

УДК 93/94; 908
<https://doi.org/10.36906/KSP-2023/11>

Спичак А.В.

ORCID: 0000-0003-2223-8039, канд. ист. наук

Надырова Э.И.

*Нижневартровский государственный университет
г. Нижневартовск, Россия*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН В ЯКУТИИ

Аннотация. В статье освещено положение якутских женщин в семье и обществе во второй половине XIX – начале XX в. Рассмотрены некоторые черты брачных отношений, повседневные женские семейные обязанности. Представлен краткий обзор историографии по теме исследования, приведены архивные источники для дальнейшего изучения вопроса.

Ключевые слова: Якутия; женщина; положение в семье и обществе; брак; повседневность.

Spichak A.V.

ORCID: 0000-0003-2223-8039, Candidate of Historical Sciences

Nadyrova E.I.

*Nizhnevartovsk State University
Nizhnevartovsk, Russia*

SOME ASPECTS OF THE SITUATION OF WOMEN IN YAKUTIA

Abstract. The article highlights the position of Yakut women in the family and society in the second half of the 19th – early 20th centuries. Some features of marital relations and everyday women's family responsibilities are considered. A brief overview of the historiography on the research topic is presented, and archival sources are provided for further study of the issue.

Keywords: Yakutia; woman; position in the family and society; marriage; everyday life.

В период глобализации с исчезновением традиционных черт культуры каждого народа их изучение приобретает особо важное значение и становится актуальной проблемой. Исследование традиционных брачно-семейных отношений – важная задача этнографической науки. Решение ее дает возможность рассмотреть особенности исторического развития народа. Семья, как один из социальных институтов любого общества, изменяется и развивается вместе с историческим развитием общества в целом. Традиционная обрядность – один из компонентов, определяющих «этнический признак» духовной культуры любого народа. Необходимость ее изучения обусловлена тем, что обряды выполняют важнейшие регулятивные функции социального контроля за поведением человека в быту [11, с. 3].

В течение второго этапа гранта Ректора НВГУ (июнь-октябрь 2023 г.) была проведена работа по поиску и анализу источников и литературы по теме исследования «Эволюция положения женщин в Арктике». Были сформированы как территориальные, так и хронологические рамки. Временной период ограничен второй половиной XIX – началом XX

в. и связан со степенью освещенности темы исследования в историографии и содержащейся в доступных источниках информации: во-первых, в отличие от советского и современного этапов, дореволюционный период положения женщин в Арктике наименее исследован, во-вторых, были обнаружены архивные документы Архангельской, Камчатской и Якутской епархий обозначенного периода о положении женщин в семье (это дела о решении духовными консисториями брачных вопросов). Территориально будет рассматриваться повседневная жизнь, обычаи и традиции народов, проживающих в Арктической зоне. Это тунгусы, чукчи, якуты. Было решено начать исследование с изучения положения женщин в Якутии.

Изучение истории супружеских отношений якутов особенно интересно в связи с тем, что в последнее десятилетие ведутся споры о необходимости возвращения наказания за многобрачие. Одним из первых, кто изучал историю данного народа и отметил существование у них многоженства в XVII в. стал Э.И. Идес («каждому якуту разрешается иметь столько жен, сколько он может прокормить») [7]. Со второй половины XVII в. до конца XVIII в. шел интенсивный процесс накопления новых фактов и сведений по рассматриваемой теме, большинство работ носило описательный характер, особое внимание исследователей привлекало существование у якутов многоженства, они также отмечали наличие у них институтов калыма и приданого, представляли характеристику некоторых моментов свадьбы [6, с. 95]. В первой половине XIX в. продолжалось изучение свадебных обрядов [19, с. 192-197], а также другие стороны брачно-семейных отношений якутов [14]. В последние десятилетия XIX в. подъем якутской этнографии был связан с политической ссылкой. Воссоздать систему якутской обрядности попытался И.А. Худяков [18, с. 158-228], огромный вклад внесли участники Сибиряковской экспедиции ВСОРГО 1894–1896 гг. [16, с. 137-573], жизнедеятельность якутского населения изучал М.С. Врунцевич [4]. Впервые в науке поставили проблему эволюции традиционного брака и семьи Э.К. Пекарский [12], Н.А. Виташевский [3], Ф.Я. Кон [9].

Обряды и традиции населения Якутии, в том числе касающиеся семейных отношений, привлекали внимание многих ученых в советский период, это был новый этап развития историографии по указанной теме, характеризующийся организацией специальных экспедиций в районы республики [8, с. 238, 241; 10, с. 24-101; 13, с. 40-41, 48-89; 15, с. 54, 58]. Во второй половине XX в. в этнографической науке были проведены первые в своем роде исследования по истории традиционных брачно-семейных отношений сибирских народов, объектом исследования П.А. Ойунского стала традиционная якутская семья и связанная с ней обрядность в XIX – начале XX в. [11].

Положение женщины у северных якутов было, по мнению участников экспедиций, принижено. «В жизни женщины есть три праздника: ее рождение, роды первого ребенка и смерть», – вспоминали прошлое оленекские якутки. Если добавить к этому четвертый праздник – свадьбу, то этим исчерпывались яркие моменты в их тяжелой и однообразной жизни [5, с. 111].

Как этого требовал обычай, жена вставала раньше мужа, разжигала огонь, готовила пищу. На ней был уход за детьми, ежедневная сушка и починка одежды и обуви всех членов семьи, приготовление пищи, обработка шкур и пошив одежды, покрывал чума и т. д. За медлительность, за плохо увязанные и упакованные вещи, за небрежно возведенный чум или неаккуратно пошитую одежду и обувь обычай целиком винил женщину. Труд женщины обычай оценивал значительно ниже мужского. При перекочевке караван оленей со всем скарбом вела женщина, она же седлала и распрягала оленей. Женщины собирали различные лекарственные растения, листья, ягоды и т. д. На стоянках около озер занимались рыболовством. Осенью принимали участие в загонной охоте на диких гусей, потрошили и заготавливали впрок тушки гусей. Во время «поколок» диких оленей женщины разделявали туши и сушили мясо. Осенью и зимой обязанностей у женщины было меньше, но труд утяжелялся. С декабря жизнь погружалась в полумрак мерцающего костра, шитье становилось затруднительным. В 40–50-градусные морозы заготовка дров, доставка льда, заделка оленьей туши превращалась в мучительные занятия. Неравномерная температура в чуме, перегревание около огня и последующее охлаждение вызывали нередко простудные заболевания, отечность лица, раздражение кожи. Если охотник, хозяин дома на протяжении полярной ночи вел в основном праздный образ жизни, ограничиваясь время от времени осмотром стада, то женские работы не прекращались. Тяжелый труд, однообразие полярной зимы, недоедание в весенние месяцы, неблагоприятные условия родов способствовали распространению истерии, преждевременному старению женщин. Ослабевало зрение, появлялся ревматизм из-за ловли рыбы в ледяной воде. В среде северных якутов строго соблюдалось деление занятий на мужские и женские. Без крайней нужды мужчины не исполняли женских работ [5, с. 112-113].

С рождением ребенка добавлялись новые обязанности. Муж не занимался уходом за малолетними детьми. С рождением каждого нового ребенка заботы женщины лишь множились. Рождение девочки не вызывало такой радости родителей, как рождение мальчика – будущего промышленника, охотника. «Девочка – это ничего не стоит, только когда замуж пойдет, тогда свадьбу кушать будем». В семье родителей девушка подчинялась матери, помогала ей вести хозяйство. После замужества, если молодые не выделялись, невестка попадала в зависимость от свекрови. В присутствии тестя сноха не могла находиться с непокрытыми волосами и голыми ногами. Она не садилась на его постель, не ела с ним из одной посуды. Если тесть обращался к ней с каким-либо вопросом, то сноха отвечала тихим голосом, отворачиваясь от него. Она избегала произносить имена тестя и старших братьев мужа. Если в чуме были мужчины – старшие родственники мужа, то сноха пребывала только на женской половине жилища [5, с. 111-113].

По представлениям северных якутов, женщина являлась существом нечистым, отпугивающим своим присутствием зверей, птиц, рыб и, следовательно, приносящим неудачу в промысле. Женщине запрещалось переступать через охотничьи предметы, не следовало подниматься на крышу дома или юрты, так как в этом случае все предметы, находившиеся в жилище, становились нечистыми. Женщина не должна была переходить реку вброд выше

запруды с мордами для ловли рыбы, ибо оскверненную переходом запруду, по представлениям населения, рыба избегала. Считалось, что женщина разговорами об охоте, о зверях, о намерениях мужа может навредить промыслу. Определенную осторожность она должна была соблюдать и по отношению к самой личности охотника. Ей запрещалось переступать через спящего мужа, класть свою одежду поверх его одежды или обуви, проходить между мужем и очагом. В случае длительной неудачи в промысле чаще всего обвиняли женщину в несоблюдении какого-либо обычая и проделывали очистительный обряд. В период беременности женщина считалась «нечистой», могла осквернить орудия промысла и одежды охотника. Ей запрещалось есть мясо с головы дикого оленя или лося, мочить ноги в озере, где водится рыба. Существовали многочисленные запреты на употребление той или иной пищи: нельзя есть кишки оленя – ребенок может запутаться в пуповине. В то же время считалось необходимым удовлетворить желание беременной, если она требовала особую пищу: лепешки, кислую рыбу и т.д. Несмотря на обилие охранных правил, ей не воспрещалось исполнять тяжелые работы до последних часов перед родами. Бывали случаи, когда женщины рожали во время перекочевков [5, с. 111-113, 134-135].

Мать в семье была настолько бесправна, насколько был полновластен отец. Женщина была еще более бесправна по отношению к семейному имуществу, даже приданное «*эннье*» принадлежало мужу, хотя и считалось неприкосновенной частью. В распоряжении женщины мог остаться только «*эннье кулут*» (раб, включавшийся по обычаю в приданое богатых невест). Однако, после смерти главы семьи овдовевшая женщина могла распоряжаться собой самостоятельно. После смерти мужа жена не была связана никакими обязанностями и могла идти, куда ей угодно. Таким образом, якутское обычное право довольно либерально относилось к положению женщины, потерявшей мужа. При делении наследства все члены семьи получали равные доли. После смерти мужа жена брала свое приданое. Наследство умерших детей переходило к отцу или, если его нет в живых, к братьям, мать имела право только на выкуп невесты [1, с. 170-178].

По утверждению А.А. Борисова, семейно-брачное право якутов на протяжении изучаемого времени (позднее Средневековье – Новое время) просуществовало почти в неизменном виде [1, с. 193].

При сватовстве личное согласие и несогласия невесты, если она была молода, во внимание не принималась [5, с. 123]. Брак был экзогамным и патрилокальным. Формы заключения допускались разные: брак по сватовству с выплатой калыма, брак с отработкой калыма, брак с похищением невесты, брак путем обмена невестами. Как полагал А.А. Борисов, они мало изменились за два столетия к приходу русских. Преимущественно встречалась малая семья – основная хозяйственная единица общества. Выплата калыма – одна из важнейших норм обычного права, регулировавших семейно-брачные отношения, – позволяла вступать в супружеские права с более чем одной женщиной. Семья у якутов по материалам XVII в. была преимущественно моногамной, но встречалась и полигамия, которую допускали обычаи. В случае, если за женщину не выплачивался калым, она могла распоряжаться собой. Брачный

союз у якутов до начала XIX в. носил характер покупки жены и стал более равноправным после издания Сибирского Учреждения [1, с. 135-137, 161-162].

Таким образом, в XIX в. якутская семья все еще оставалась малочисленной, патриархальной. В XIX в. прелюбодеяние стало предметом церковного суда. В случае незаконной беременности родители старались отыскать виновника и заставляли его или жениться, или содержать роженицу во время болезни и выкормить ребенка до 7 лет» [1, с. 161-168].

По мнению И.С. Гурвича, положение женщины в семье у северных якутов было более благоприятным, чем у якутов-скотоводов. При решении важных дел (поездка за товарами, выбор соседей для летней кочевки и т. д.) глава семьи обычно советовался с женой. При рождении девочки в состоятельных семьях ей выделяли пару оленей и приплод от них считался ее личной собственностью. Своими оленями, имуществом и деньгами, полученными в подарок от родственников, женщина и после замужества распоряжалась так, как она считала нужным. Нередко женщины самостоятельно вели торг с приезжими купцам [5, с. 111].

И.С. Гурвич указывал, что в экспедициях не приходилось слышать об избиении жен мужьями [5, с. 111]. Однако, А.А. Борисов привел в качестве примера анализ судебного дела следующего содержания: «20 апреля 1863 г. родница Сасыльского наслега Баягантайского улуса Ульяна Степанова подала прошение на имя управляющего Якутской областью Н.Ф. Скрябина о жестоком обращении мужа с ней. В июле 1862 г., по ее словам, она была избита и изгнана из дома мужем, несмотря на ее беременность. Заседатель Якутского земского суда Климовский, разбиравший это дело, признал «причины (по которым истица жаловалась) на мужа своего не вполне справедливыми». Он приказал Степанову взять свою жену в дом и не делать стеснения, а жене его – чтобы жила скромно «не выказывая дерзкий свой характер». [1, с. 179]. Представленное содержание судебного постановления отличается от решений в аналогичных делах в других губерниях, вероятными причинами чего можно считать, как достаточно ранний период (как свидетельствуют архивные документы, женщинам стало легче защититься от побоев со стороны своего мужа ближе к началу XX в.), так и более выраженную патриархальность взглядов якутского населения. Для более точного ответа на данный вопрос следует изучить дела, хранящиеся в Государственном казенном учреждении Республики Саха (Якутия) «Национальный архив Республики Саха (Якутия)».

В Российском государственном историческом архиве обнаружены статистические ведомости о количестве бракоразводных дел в различных епархиях, в том числе в Якутской, которые являлись приложением к ежегодным отчетам епархиальных архиереев [17]. Исходя из результатов анализа данных документов за весь период их составления (он совпадает с хронологическими рамками исследования), в Якутской, как и Камчатской епархиях было достаточно мало официальных разводов. К примеру, в 1885 г. в Якутской епархии рассматривалось 9 прошений о расторжении брака и по всем был получен отказ, то есть случаев развода не было, однако имелись желающие развестись [2]. В таблице указывали причины только у расторгнутых браков, а мотивы отказных прошений мы можем установить

из отдельных дел, сохранившихся в фонде Канцелярии Святейшего Правительствующего Синода в указанном федеральном архиве.

В настоящее время, когда пристальное внимание уделяется исследованию жизни населения арктических территорий, влиянию климатических условий на состояние здоровья, рассматриваются вопросы демографии, острые социальные проблемы, связанные с угрозами потери культурной идентичности, семейных ценностей. В связи с этим рассмотрение истории положения женщин в Арктике, семейных традиций и обычаев отдельных народов вызывает интерес и нуждается в изучении.

Литература

1. Борисов А.А. Социальная история якутов в позднее Средневековье и Новое время: (опыт комплексного исследования). Новосибирск: Наука, 2010. 272 с.
2. Ведомость о бракоразводных делах по Якутской епархии за 1885 год // Российском государственном историческом архиве. Ф. 796. Оп. 166. Д. 2373. Л. 19 об. – 20.
3. Виташевский Н.А. Якутские материалы для разработки вопросов эмбриологии права // Павлинов Д.М., Виташевский Н.А., Левенталь Л.Г. Павлинов М., Виташевский Н.А., Левенталь Л.Г. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1929 (гос. Акад. тип.). 519 с.
4. Вруцевич М.С. Обитатели, культура и жизнь в Якутской области. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1891. 41 с.
5. Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленеводов: К вопросу о поздних этапах формирования якут. народа / И.С. Гурвич; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1977. 247 с.
6. Иванов В.Ф. «Описание якутов» Я.И. Линденау // Советская этнография. 1971. № 3. С. 89-95.
7. Идес И. Записки о русском посольстве в Китай. (1692-1695) / И. Идес, А. Бранд; М.: Наука, 1967. 404 с.
8. Ксенофонов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. 1. Иркутск: Нац. изд-во Респ. Саха (Якутия), 1937. 572 с.
9. Кон Ф.Я. Физиологические и биологические данные о якутах: (антропологический очерк). Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1899. 89 с.
10. Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 483 с.
11. Ойунский П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX в.) / П.А. Слепцов; АН СССР, Сиб. отд-ние, Якут. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. Якутск: Кн. изд-во, 1989. 157 с.
12. Пекарский Э.К., Осмоловский Г.Ф. Якутский род до и после прихода русских // Памятная книжка Якутской области на 1896 г. Якутск, 1895. Вып. 1. С. 1-48.
13. Попов Б.Н. Социалистические преобразования семейно-брачных отношений народов Якутии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. 320 с.

14. Приклонский В.Л. Три года в Якутской области // Живая старина. 1890. Вып. 1-3. С. 55-74.
15. Расцветаев М.К. Очерки по экономике и общественному быту якутов. Л.: изд. и тип. Акад. наук СССР, 1932. 159 с.
16. Серошевский В.Л. Якуты (опыт этнографического исследования). СПб., 1896. Т. 1. С. 137-573.
17. Спичак А.В. Архиерейские отчеты 1856–1915 гг. как исторический источник // Исторические источники церковного происхождения синодального периода: сборник материалов научной конференции, посвященной 300-летию учреждения Святейшего Правительствующего Синода (Санкт-Петербург, 15 апреля 2021 г.) / Рос. гос. ист. арх. [и др.]; сост. А. И. Раздорский; редкол.: В. В. Антонов [и др.]. СПб.; М.: Старая Басманная, 2021. С. 26–32.
18. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 439 с.
19. Щукин Н.С. Поездка в Якутск: тип. Деп. воен. поселений. СПб., 1844. 315 с.

© Спичак А.В., Надырова Э.И., 2024